

Поэма Асеева

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

«Маяковский начинается», новая поэма Асеева, писалась на протяжении нескольких последних лет. Еще когда отрывки из неоконченной вещи печатались на страницах журналов и газет, можно было по ним ощутить замысел целого, и если не судить о нем в полной мере, то во всяком случае угадывать, насколько естественна и неизбежна для Асеева тема о молодости друга. Можно было угадать и очертания замысла, его исторический размах.

Поэма закончена, и вот уже около года тому назад она стала достоянием читателей. Она представляет собой одно из самых значительных явлений нашей поэзии, и, кроме того, самое значительное и монументальное из всего, сделанного Асеевым. Ведь мы знали и любили его прежде всего как лирического поэта, автора множества стихов, песен, баллад, так прочно и хорошо вошедших в сознание нескольких поколений советских читателей. И вот первое широко развернутое высказывание лирика, первый его «роман в стихах».

С известной точки зрения и поэма — тоже разросшийся лирический монолог, части которого скреплены единством взвешанной авторской интонации. Но кроме того, «Маяковский начинается» — эпос. Эпос о трех десятилетиях в жизни одного человека и всего народа. Этот эпос имеет очень близкое касательство к каждому из нас. Это наша собственная история, рассказанная человеком очень талантливым и очень близко, поистине кровно заинтересованным в будущем всей советской культуры. В поэму могло войти и действительно вошло очень многое: здесь и история страны, и автобиография, и рассказ о юности великого друга, и полемика с его давними врагами, явными и скрытыми, и наш сегодняшний день, и провинциальное воспоминание о давно прошедшей минуте. Здесь и пропаганда — как бы заступничество перед временем за безвременно ушедшего Хлебникова, имевшего такое большое значение в развитии всего нашего поэтического поколения, и разговор с другим другом, живущим рядом, мучительно близко и в то же время мучительно далеко.

Асеев писал свою поэму долго. Он как бы двигал ее во времени. Время шло, и поэма росла. Это удел каждого эпоса, который не может и не должен рождаться из головы художника в полном вооружении, как Афина Паллада. Время — соавтор эпического поэта и, надо сказать — соавтор с очень большими правами и требованиями: возьмет да и зачеркнет написанное месяц назад, — пиши, дескать, заново, я-то ведь уже другое! Нам сейчас очень трудно да и незачем угадывать в поэме наслонения времени, шедшего рядом с ее построением или перегонявшего поэта. Наоборот, мы хотим воспринять поэму как единство, цельное и наполненное изнутри одним, очень понятным читателю и дорогим для него напряжением.

Как же назвать это напряжение? Ответ подсказан поэтом. Прежде всего оно называется «Маяковским». В поэме Асеева показано (да и сказано всеми словами), что Владимир Маяковский — не только чудесная, неповторимая личность, так и так-то прожившая свою горячую, боевую молодость, но и заряд энергии, которого хватило на многих, на все поэтическое поколение. Об этом-то и написал свою поэму Асеев.

Это-то и делает поэму не только правдивым произведением искусства, но и живым куском действительности. Чтение ее очень многих приведет к необходимости вспомнить собственную юность, отдать себе отчет в том, как она прошла, была ли достойна своего времени.

Если Маяковский встает из поэмы образцом поведения человека в Революции и искусстве, то это ведь не только потому, что Асеев в назидание нам написал «биографию замечательного человека». Надо думать, импульс его был глубже и значительнее, чем назидание.

Невозможно читать поэму и не уловить ее общий эмоциональный напор, чистый, лишенный всякого тщеславия и позы,

полный открытой любви и открытой ненависти. Все дело в этом напоре. Он-то и держит и связывает отдельные части и главы, оправдывает их скрепления. Поэму писал человек, до седых волос юношески влюбленный в свое дело, в родной язык, в октябрьский вечер, в голос друга. Да, влюбленный! Это высшая похвала поэту. Он писал в минуты наибольшей открытости, наибольшего душевного волнения. Ему перехватывало от страсти голос, но все-таки хватало дыхания высказаться. Не увидеть и не услышать этой основной силы в создании поэта было бы просто черной неблагодарностью ему. Отсюда и рождаются красноречие, свежесть и смелость выражения, так называемые поэтические находки, — впрочем, поэма держится абсолютно не ими, да их и не так много.

Пройдет еще несколько десятилетий, и новые читатели, школьники или вузовцы, возьмут в руки книгу Асеева как документ нашего времени, — так же, как «Четыре товарища» Кренкеля или биографию Чкалова. Надо им пожелать этого: пускай эти книги будут прочитаны одна за другой. Книга Асеева поможет им почувствовать, каким был советский человек первых сталинских пятилеток. И здесь автора они поставят если не рядом, то очень близко от его героя, как двух людей одной породы, сполна отвечающих за свое трудное и почетное место в культуре родной страны.

Маяковский — родоначальник нашего эпоса. Работа его была многообразна, сложна, не всегда на виду и очень редко общепризнана. Ему приходилось круто. С тех пор времена очень изменились. Следующее Маяковским должно было прозвучать и отложиться в сознании целого поколения, мы сами должны были вырасти и войти друг с другом в новые, производственные и товарищеские отношения для того, чтобы поэма о Маяковском, написанная его другом, стала таким значительным событием в нашей собственной жизни и в жизни всей страны. У этой поэмы есть еще одно подразумеваемое название: «Маяковский продолжается» — и в самом Асееве и в его читателях.